

От связных мы узнали, что немцы упорно распускают слух о взятии Москвы. Это было в конце сентября – начале октября. По этому поводу фашисты собирались праздновать победу в Кричеве. Подпольный райком партии дал указание патриотическим группам расклеить листовки в городе и в деревнях о провокационных слухах гитлеровцев. Москва стояла...

Группа Виноградова вела активные боевые действия на дорогах...

Оставленные для подпольной работы первый секретарь райкома партии Станкевич и Банчиков ушли из Кричевского района. Подпольный райком лишился двух членов бюро. Я вынужден был ввести в состав бюро Павла Скороходова (погиб) и политука Юрия Якунова (погиб на фронте после освобождения района).

После ухода группы Виноградова в брянские леса подпольный Кричевский райком партии входил в состав партизанского отряда им. Чапаева...

В Ботвиновском сельсовете патриотическую молодежную группу возглавлял Борис Григорьев. Отлично помогали партизанам и подпольному райкому партии Игорь Раковский – сын Якова Андреевича Раковского, три брата Шинкаревых, Андрей Маслянский и др. Они собирали патроны, тол, мины.

В деревне Доленщина жила Анна Кузьминична Решетнева. Ее сыновья Антон и Евгений, совсем еще юные, активно борлись против врагов. Они убили начальника полиции деревни Баявка. После были в партизанском отряде Гавриленко.

Подпольный райком партии держал связь с городом. Дважды встречался я с Каиновым (руководителем подпольной группы в Кричеве). Первая встреча состоялась около д. Залесовичи, вторая около дер. Комаровка. Второй раз Каинов выходил ко мне на связь вместе с Зонтовым. Несколько раз вызывал на связь Марию Толкачеву. От нее узнал о патриотизме артистов Лузенина и Окамова, а также военнопленного Кулешева. На связь с Толкачевой от подпольного райкома партии ходила Александра Головнева (жена Лаукевича с почты). В городе патриотические группы изготавлива-

ли паспорта. Этим занимался старик Лисюк...

Активную работу среди населения и молодежи вел кандидат в члены партии тракторист Иван Елисеевич Ватага...

В деревне Осовец до войны работал председателем колхоза Самсонов Василий Сергеевич. Его немцы агитировали поймать или убить меня. За это обещали выплатить 20 тысяч марок. Он не согласился, за что был жестоко избит. Однажды, встретившись со мной, Самсонов подробно рассказал про всю эту торговую вражескую сделку.

Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 1394. Воп. 1. Спр. 23. Л. 57–58.

Падрыхтавала да друку Л.У. Ляховіч.

З успамінаў В.М. Пільнікава, удзельніка Крычаўскага падполля

Я был назначен в депо инженером, в мои обязанности входило доводить все распоряжения немецкого коменданта до сведения рабочих и проверять их выполнение... В тот же день устроился на базу Федосенко рабочим.

На очередной встрече Федосенко дал мне указание входить в доверие к немцам, приступить к изучению немецкого языка, не вызывать подозрений.

В декабре 1941 г. я получил от него задание вывести из строя паровозы и вагоны, на которых немцы возят дрова для отопления помещений на ст. Веремейки. Мною и Карнейкиным это задание было выполнено.

На первой входной стрелке было подготовлено крушение. Весной 1942 г., когда была закончена перешивка железнодорожной колеи на немецкую и восстановлен мост через р. Днепр под Оршей, к линии фронта через Кричев пошло прямое сообщение по дороге Орша–Унеча–Рославль. В это время активизировали свои действия партизаны. Часто летели под откос составы. Для ликвидации последствий крушений в Кричев был прислан 18-тонный кран на железнодорожном ходу. Федосенко дал указание вывести его из строя. И вот при

ликвидации аварии на перегоне Кричев-II Звезда, при подъеме бронированного вагона была разбита стрела, я при этом работал за машиниста, так как с разрешения шефа депо Шрая закрепленный машинист Курболенко был им отпущен на три дня...

После установления связи с Гавриленко А.Л. моя группа приступила к более активным действиям. При первой встрече с ним в лесу мне стало известно, что Родион Филлимович Федосенко под деревней Юрковка был убит полицейскими, когда на лошади вез взрывчатку на станцию Кричев. Гавриленко предупредил меня, что ко мне будет заслан радист из полка Гришина и что я обязан обеспечить его всем для нормальной работы. Здесь он дал мне указание получить две мины у Григория Штолика. С моей стороны были приняты все подготовительные меры, к тому же две мины я получил у него на квартире, при этом присутствовал Андрей Атрашкевич. Этими минами были заминированы два состава с бензином 15 июня 1943 г. при уходе состава в сторону Унечи. Воспользовавшись своим правом для осмотра паровоза, я был на паровозе, осмотрел его и при отправлении пожелал счастливого пути, сошел с паровоза на левую сторону. Машинистом был немец, помощником Филипп Гришенков из дер. Ивановка... Я приложил уже приготовленную мину к бочке с бензином. Я не успел спрыгнуть с площадки, как с левой стороны подсели два солдата в немецких шинелях. Я только успел схватиться за пистолет в кармане, но поезд набирал скорость, и они уехали. Меня прикрывали вооруженные Майоров и Карпекин как смазчики по заливке букс. Состав сгорел под станцией Журбин...

20 июня был заминирован второй состав с бензином, его минировал Карпекин. Состав сгорел под Суражем... Мины мне передавали Давыденко С.С., Григорьев Д.Е., Гавриленко А.Л., Дворяченко, Мордовин И.В., Данилов В. Для связи с лесом работали связными Карпушев Сергей и Лебедев Иван...

Поражения немцев на фронтах, взрывы кругом, доносы изменников Родины в коммандатуру вызвали ко мне подозрения шефа Шрая. Это было особенно видно после моего ареста в начале мая 1943 года... При оче-

редной встрече в лесу с Гавриленко я доложил обстановку и попросил разрешения на уход своей группы в лес. В течение месяца вопрос был решен и было дано указание депо при уходе взорвать. На подготовительные работы мне дали две недели. Были привлечены Карпекин и Майоров.

Сложность заключалась в том, что Василий после взрыва должен был уходить в лес, но у него оставались мать и другие родственники. Выход из положения был следующий. За две недели до взрыва депо... он написал заявление шефу Шраю с просьбой об отпуске его для поездки в Брест под предлогом, что там проживают его родственники. Ему было выдано отпускное разрешение на 20 дней. Он спрятался и 2 недели не выходил из дома. Его мать Пелагея была предупреждена, что так надо...

Было условлено, что окончательное решение об уходе в лес я получу в субботу 21 августа. К этому времени в депо была проделана вся подготовительная работа – подготовлена взрывчатка, канистры с бензином, кислородные баллоны. В воскресенье утром мины были перенесены в кладовку, где хранились продукты (зав. был Андрей Улазовский), ключи от кладовой были также у меня. Как было условлено в лесу, часть моей группы уходила в направлении Маковья, а часть – в направлении Залесовичей.

На совещании в доме Василия Карпекина, где были я и Майоров, было принято решение приступить к минированию депо в 15.00. На крыши (старой) секции были занесены две канистры с бензином и уложено по мине на каждую. Внутри секции были уложены два кислородных баллона и заминированы. Механический цех был заминирован взрывчаткой и бензином. Склады, бензиновый и раздаточный, заминированы минами. Последними минами минировались семь паровозов горячего резерва. Взрыватели на боевое действие были взведены на 15 часов 45 минут. Майоров ушел в лес, я и Карпекин должны были уезжать в Залесовский лес, где, как условлено, нас будут ждать.

В 21.45 с группой партизан мы наблюдали, как на высоту 100 метров взметнулось зарево и депо начало гореть.

Мне совершенно неизвестно, откуда мог узнать Василий Раков об уходе группы в лес, несмотря на то, что он пользовался моим уважением как комсомолец... Василий попросил, чтобы его не оставляли, что ему известно, что мы уходим в партизаны... Карпекин дал ему разрешение уйти в направлении Маковья, он тут же ушел. Взрыв депо Раков видел, но у него оставались в деревне Ивановка жена и родители. После отдыха в лесу утром из моей группы мы не досчитались двоих – Алексея (фамилии не помню) и Василия Ракова – он бежал домой, но перед этим доложил шефу Шраю, что депо взорвал Пильников, что он видел меня в лесу.

Судьба его сложилась незавидно. Позже мы узнали, что было арестовано много невинных людей, что на самолетах из Минска прилетела комиссия для расследования взрыва, что по ее указанию все были освобождены. Немцы, работавшие в депо, в том числе и Шрай, были арестованы и отправлены в Берлин.

Оставшиеся в тылу врага люди были вынуждены добывать себе кусок хлеба, кормить семьи, но они не предавали нас, комсомольцев, выручали нас от беды. Это были настоящие советские люди. Вот они: Гришенков Филипп – он мог выдать меня при первом минировании, но он этого не сделал; Бедненко Иосиф, его жена Ольга Филипповна, дети Нина и Галина; Безбабич Анастасия Сидоровна, ее сыновья Николай и Виктор; Езерская Дарья Михайловна и ее сын Валентин; Лебедев Иван Федорович и его семья; Василий Сакович и его жена – я у них питался и скрывался от полиции. В период моей работы в паровозном депо там работали Ильяшенко Моисей Константинович, Стряпченко Александр Григорьевич, Андрей Улазовский, Степан Числов – все они видели, чем я занимаюсь, но никому никогда не доносили.

Неоценимую помощь нам оказывала семья Ивановых – Нина и ее мать Мария Алексеевна, которая работала уборщицей в немецком госпитале. Мы от них получали сведения, но самое главное то, что мы из этого госпиталя получали почти все медикаменты. Такую же помощь нам оказывала

Вера Малахова. Как разведчицы Мария Репчинская и Мария Дедкова выполнили свой долг до конца, они всегда предупреждали нас об опасности. О матери Василия Карпенко следует сказать особо – она воспитала семью патриотов. Ее младший сын Василий бесстрашно выполнил на Кричевщине все боевые задания подполья...

*Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь.
Ф.1394. Воп. 1. Спр. 23. Л. 98–103.*

Падрыхтавала да друку Л.У. Ляховіч.

З успамінаў В.С.Талкачовай (Сянчыла), удзельніцы Крычаўскага падполля

По заданию партизанского отряда моя сестра Мария устроилась работать в городскую управу, которая располагалась в здании почты. Она сопровождала военнопленных в отряды, распространяла советские листовки, которые получала из отряда, а также написанные от руки. Их писала я, хотя это и было очень опасно... Такие листовки вынуждены были распространять не в своем городе, а где-нибудь в других районах. Для этого было нужно найти таких людей, которые не вызывали бы подозрения, появляясь в других районах. Вот таким образом через Кулешова Николая, который часто посещал наш дом, произошло

М.С. Талкачова (злева), В.С. Сянчыла.